

ДАТА В огне броду нет

Заметки к 100-летию писателя Артема ВЕСЕЛОГО.

Фраза, ставшая знаменитой благодаря кинофильму Глеба Панфилова, на самом деле взята из рассказа Артема Веселого «Дикое сердце» (1924) — одного из самых экспрессивных изображений гражданской войны. Только кто об этом помнит? Судьба и проза Артема Веселого оказались отодвинутыми на второй план, их закрыли другие литературные феномены 1920 — 1930-х годов, нынче более модные. Налицо историческая несправедливость, которая объясняется спецификой культурной парадигмы последнего десятилетия. На первый план в качестве культурного героя вышел писатель-интеллигент: враг советской власти (как Булгаков), попутчик (как Пильняк), эмигрант (как Замiatин), «внутренний эмигрант» (как Платонов). Ни под одну из этих ролей Артем Веселый (он же Николай Иванович Кочуров) не подходит.

Пролетарий по происхождению, сын крючника из Самары; тяжелое детство, нужда, изнурительный труд, атмосфера социального низа, в которой не мог не родиться протест и стихийная ненависть к старому миру; членство в партии большевиков с марта 1917 года; работа партийным пропагандистом на фронтах и в газетах; участие в боях с казаками, белочехами, денкинцами — все нынче работает против него. К тому же в 1920 — 1930-е годы Артема Веселого много печатали,

Артем Веселый. Снимок сделан в тюрьме вскоре после ареста в 1937 году (расстрелян в 1938-м). Оригинал в архивах ФСБ

век «освободил Веселого от необходимости заниматься этой проблемой».

«Гуляй Волга» (1926 — 1932), посвященная Ярмаку (так у Веселого) Тимофеевичу и покорению Сибири, написана сочно, отлично выстроена стилистически и композиционно. В определенном смысле это был ответ тем, кто писал про «дикое перо», не желая признать крамольную концепцию. Исторический роман дал ощущение свободы, оттого в нем множество опасных параллелей, которые в 1936 году (когда вышло последнее, шестое, издание романа) уже и читать было страшно: «В страхе и трепете, подплыв кровью, лежала земля русская. В кремлевских же палатах жарко горели свечи, гремели песни подблюдные, плясали девы наги. Веселился царь, веселились и его согласники, а на помостах стучали топоры, рубя — и черным людишкам, и попам, и боярам — головы. Из Москвы на всю страну шла гроза и милость царская».

И рядом описания той же русской жестокости, что и в романе о революции. Вот как расправлялись с ревизионистами и оппортунистами, с Зиновьевыми и Каменевыми XVI века: «Игренюку за непослушание и смутные речи камнями били, кулаками били, пинками пинали, палками щучили да после того в рогожный куль посадили, песком досыпали и, раскачав, метнули в реку. Яшке Бреню за поносные речи насытали в рот горсть порошу и огнем зажгли. Мишке

он не писал годами в стол, его творчеству посвящали статьи и даже целую книгу очерков. Наконец, Веселый вошел — таки в проверенный цензурой пантеон «зачинателей советской литературы», нахождение в котором способно погубить любую репутацию. Сейчас об Артеме Веселом принципиально важно вспомнить хотя бы потому, что литературоведение уже встало перед неизбежностью повторного включения «пролетарских писателей» в корпус изучаемых текстов на новых принципах, на новом уровне понимания.

Прежде всего с прозой Артема Веселого связана проблема изображения эпохи революции и гражданской войны 1918 — 1920 годов. «Голый год» Бориса Пильняка третировали многие, в том числе и Юрий Тынянов — за фрагментарность, «кусковую» конструкцию и стилистический оползень. Но что требовать от попутчика, который расписался в своем обывательском непонимании происшедшего и для выражения этого непонимания использовал технические средства «Петербурга» Андрея Белого? И вдруг то же самое сделал участник событий, пролетарий Артем Веселый в романе «Россия, кровью умытая».

То есть никакого марксизма и нигде даже близко не видно гегемона — промышленного пролетариата. События 1917-го и последующих годов — это стихия, бунт, взрыв злобы, накопившейся за века, дикость, антипорядок, разрушающий и социальную, и одновременно литературную форму XIX века. Причем злоба направлена не столько против враждебных классов (так ее пытались сориентировать большевики), сколько на других. Это абстрактная, слепая, страшная злоба вообще. Как ее выразить литературными средствами? Тут нет и не может быть «правильной» композиции, законченных и предсказуемых индивидуальных характеров, как у Толстого (а именно запрос на «красного Льва Толстого» и выразил Тынянов). Тут человек сам не знает, что сейчас сделает и кого убьет. Все лишается логики и смысла. «Народный гнев» — категория иррациональная: «ооо уууу бах бах уу — с Кавказа до белых льдов, с тайги до славного Гуляй-Поля!».

Советские официозные литературоведы упоминали про работу Артема

Веселого в коммунистических газетах 1918 — 1919 годов, но никогда не приводили цитат. Самая ранняя из обнаруженных публикаций (подписанная «Николай Кочкуров») — очерк «В дороге» (самарская газета «Солдат, рабочий и крестьянин», 1918, 10 марта). Вагон-теплушка, нары, люди, мешки, густой народный дух, забиты даже крыши. «Двери вагона распахиваются, и лезут новые пассажиры. «Сунь ему горячий головишкой в рожу, — советует кто-то из темного угла вагона, — дай пинка в рожу...» Многие сталкиваются обратно под колеса уже бегущего поезда, некоторые счастливые остаются и минут через пять уже заводят дружескую беседу с теми, кто их сталкивал». Друг, враг — всего этого нет. И обычной морали нет. Человеком играет стихия, действуют инстинктивные люмпенские желания, и самое среди них главное — убить других, а самому выжить. Это, как оказывается, и есть то, что мы именуем «революцией и гражданской войной». Не случайно КРОВЬ И ОГОНЬ — ключевые слова в сочинениях Артема Веселого.

В «Красном пахаре» (г. Ефремов) Николай Кочкуров работал штатным пропагандистом. Именно здесь он опубликовал свои статьи, которыми пытался направлять стихийную крестьянскую злобу (а вся армия и была крестьянской) в нужное РКП (б) русло: «Око за око, зуб за зуб. В ответ на белый террор мы должны ответить массовым красным террором... Только тогда буржуазия будет чувствовать твердый кулак стоящего у власти пролетариата» (1919, 19 сентября).

Газетные публикации 1918 — 1919 гг. дают увидеть, как среди агитационных штампов вдруг возникали простота и правда. Особенно характерен в этом отношении очерк «Там, на полях» («Приволжская правда», Самара, 1918, 6 ноября). Начало чужое, подражательное, едва ли не салонное: «Солнце уже скатилось за темную гряду Жигулевских гор, подернутых розовой дымкой. День догорал...». Потом провал в газетную передовицу: «Лица всех были проникнуты железной решимостью и суровью». И снова поиск простоты: «И вот скоро красные и белые сошлись в дыму, среди треска пылающих построк. Молча, с озлоблением втыкали друг другу в груди штыки... Все человеческое во всех дерущихся погасло, остался только

зверь, жаждущий побольше крови...»

Это и есть, если угодно, человек в понимании Артема Веселого. В торжестве Зверя («ооо уууу...») заключена концепция «России, кровью умытой», кстати, пронизанной библейскими образами: прежде всего огня, крови, отмщения и бесовского вихря. Революция — вроде Божьей кары, жестокая месть за тяжелую жизнь, за века социальных унижений. Библейский образный и лексический слой в романе весьма значителен, для автора — это язык, которым только и можно выразить масштаб и смысл событий как происходящих не по воле человека, но по воле какого-то надчеловеческого начала. Род идет против рода, колено против колена. Потому у Веселого нет индивидуального героя, слышны отдельные голоса, урчание толпы, крики. Человек никому не интересен, так, жалкая козявка, которую нетрудно и даже приятно раздавить... На этих же принципах построена и пьеса «Мь» (1921), характерная полифонизмом «войны всех против всех».

Правда о народе, высказанная писателем с «народным» происхождением, критику испугала: обвинить в недостатках социального происхождения не получалось. Надо было найти иное объяснение, поэтому Вяч. Полонский в 1930 году напоминал о том, что Веселый «вышел в жизнь — гол как сокол, не вооруженный ни культурным опытом, ни навыками литературного ремесла...» Иначе говоря, дело не в концепции человека-зверя, для которой форма классического романа не годится вовсе, а в недостаточной литературной образованности. «Дикое перо» — так назвал статью о Веселом Соломон Пакентрейгер. Удивлялись: с такой анкетой, а пишет неверно.

На самом деле заслуга Веселого как раз в том и заключалась, что он засвидетельствовал стихией народного бунта воспользовались, но уж никак не управляли. Революция — и есть стихия, дикий бунт против вековых устоев. Забавно, например, что Марк Чарный, автор книги об Артеме Веселом «Певец партизанской стихии» (1933), констатировал, что писатель согрешил против истины в произведении об Октябрьской революции — не смог показать руководящую роль пролетариата. Зато в романе «Гуляй Волга» (1932), посвященном покорению Сибири Ермаком, верно изобразил исторический процесс, ибо XVI.

Козлу... подрезали под коленками жилы и засунули его головой в шиповый куст». Бей своих, чтоб чужие боялись.

В 1936 году Артем Веселый выпустил книгу «Частушка колхозных деревень», основанную на собственных записях 1933 — 1934 годов, на архивах редакции «Крестьянской газеты» и коллекции Литературного музея. Записать голос народа — такова цель. И потому посреди густой лжи («Приходи, весна красна, времечко весеннее. Сталин партию ведет по заветам Ленина») вдруг прорывалось нечто подлинное. Последняя частушка сборника: «Выхожу и запеваю, опускаю вниз глаза. Веселиться неохота и печалиться нельзя». Это был явный ответ Самому, который объявил, что «жить стало лучше, жить стало веселее».

28 октября 1937 года писателя арестовали. Якобы «покушался на Сталина». Десять лет без права переписки — награда за революционные заслуги и 20-летний литературный труд. Когда сейчас читаешь «Россию, кровью умытую», не оставляет ощущение, что трагический финал жизни писателя предвидел. В главе «Отваги зарево» (1928) есть сцена казни старой графини, которая перед смертью выкрикивает мучителям-ревкомовцам все, что о них думает.

«В Ставропольской губернии у меня было имение и земля, имение мужики разграбили и сожгли, а землю запахали... Я остановилась в вашем хуторе отдохнуть от всех пережитых ужасов и переждать, пока кончится революция...

— Не дожидись! — закричал Егор Ковалев. — Не кончится революция!..

— Кого же вы будете грабить, когда разорите всех нас?.. Да вы, батенька, броситесь друг другу глотку грызть, и вашей звериной кровью захлебнется несчастная Россия».

Кажется, что невозможно было написать эту сцену, не испытывая страх и не думая о том, что социальная месть замыкается в «красное колесо», которому нет конца. Впрочем, это мои фантазии, и испытывал ли страх перед «нескончаемой революцией» реальный Николай Иванович Кочкуров, я не знаю. Основная часть архива с письмами и дневниками (если таковые были) канула в лубянский Лету, психологические детали исчезли, и остается только гадать.

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ